

УДК 330.341.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ В СИСТЕМЕ ИЕРАРХИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭКОНОМИКИ

Ю.К. Перский, д. экон. наук, проф. кафедры менеджмента и маркетинга

Электронный адрес: ukp@pstu.ru

Ю.В. Дубровская, асп. кафедры управления финансами

Электронный адрес: uliadubrov@mail.ru

ГОУ ВПО «Пермский государственный технический университет», 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29

Используется иерархический подход к обоснованию концепции гармонизации интересов экономических субъектов в системе иерархических взаимосвязей экономики. На основе эконометрического моделирования выдвигается гипотеза о решающем влиянии институтов местного самоуправления на гармонизацию интересов субъектов экономики. Предлагается модель нивелирования институциональной неэффективности системы местного самоуправления.

Ключевые слова: гармонизация интересов; система иерархических взаимосвязей экономики; местное самоуправление; институциональная неэффективность; межуровневое взаимодействие.

Одной из наиболее значимых задач современной государственной экономической политики является определение эффективных направлений интеграции и гармонизации интересов субъектов различных уровней экономической системы, являющихся залогом устойчивого развития всего общества.

Как известно, объективно обусловленная структура экономических отношений включает их разноуровневые системы и подсистемы, характеризуемые множеством потребностей субъектов-носителей интересов, при этом происходит непрерывный процесс изменения интересов, их взаимопроникновения. Иерархии субъектов и объектов управления соответствует иерархия интересов и целей, причем «качество работы всей экономической системы обеспечивается обратной связью, т.е. реакцией на вмешательство, информация о которой направляется снизу вверх» [14, с. 55]. Между функциональными уровнями экономики действуют мощные разнонаправленные восходящие, нисходящие и «наклонные» связи, без которых невозможно ни объяснить поведение экономики в целом, ни разработать адекватную экономическую политику [8, с. 183].

Общепризнанно, что обратную реакцию, связь между государством и индивидом может обеспечить гражданское общество [15, 30, 22], представляющее собой совокупность отношений и институтов,

функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать. Различные формальные и неформальные общественные ассоциации (объединения), входящие в состав гражданского общества, способствуют развитию публичной сферы. Данные сообщества позволяют гражданам реализовывать свои интересы и инициативы путем воздействия на органы публичной власти. В условиях современной инновационной экономики роль общественных институтов, регулирующих процессы взаимодействия субъектов управления экономикой различных иерархических уровней, значительно возрастает.

В рассмотренном контексте экономическую систему, в которой созданы условия для комплексного развития всех уровней иерархии на основе сочетания интересов субъектов данных уровней, будем считать, по Г.Б. Клейнеру [10], гармоничной.

Решение вопросов качества и эффективности функционирования институтов, способных обеспечить гармонизацию интересов субъектов основных уровней экономической иерархии, становится первоочередной задачей. Речь, прежде всего, идет об определении критериев эффективности институциональной структуры. Концепция эффективности расплывчата, когда связана с выбором института или институциональной структуры [13, с.297]. Поэтому ответ на вопрос, что значит

наилучшая или «наиболее эффективная» институциональная структура, по сути, остается без ответа.

Так, Г.Б. Клейнер предлагает рассматривать в качестве критерия эффективности институциональной системы её целостность, понимаемую, во-первых, как полноту состава и тесноту внутренних взаимосвязей элементов институциональной системы, обеспечивающую устойчивое социально-экономическое развитие страны; во-вторых, как соответствие её общему вектору институциональной эволюции, характерной для данной страны [8, с. 240].

Ряд исследователей в качестве критерия эффективности в отношении тех или других экономических регуляторов (институтов) признают величину трансакционных издержек: «институты могут обеспечивать стабильность ценой высоких трансакционных издержек, т.е. быть неэффективными» [2]. Однако минимизацию трансакционных издержек трудно признать универсальным критерием эффективности институтов – это «только одно из средств достижения социально-экономических целей» [13, с. 304].

Действительно, тщательный анализ различных исследований по проблематике обоснования критериев эффективности институтов выявил, что большинство исследователей в качестве конечного критерия эффективности институциональной среды выделяют показатель благосостояния общества: если институциональная среда порождает преимущественно такие правила, совокупные выгоды от следования которым превышают издержки, то будут создаваться адекватные стимулы у экономических агентов, что обусловит устойчивый рост благосостояния общества [11, с. 27].

В работе В.Л. Тамбовцева, Л.А. Валитовой [24] выделены три условия становления эффективной институциональной среды: 1) четко определенные (специфицированные) и надежно защищенные права собственности; 2) действенные механизмы защиты контрактных прав; 3) правила и механизмы, обеспечивающие подотчетность исполнительной власти обществу, препятствующие рентоориентированному поведению чиновников.

В целом разделяя вышеизложенные суждения большинства исследователей по вопросу оценки эффективности институциональной структуры и «социальной желательности» (в терминах Г.П. Литвинцевой), полагаем, что любые институты, любые институциональные инновации желательны, если это ведет к повышению благосостояния всего общества.

В этой связи важно отметить, что дискуссия о мере воздействия институциона-

льных изменений на социально-экономическое развитие уже более полувека идет в ключе полемики о природе неэффективности институтов [11, с. 27]. Например, согласно выдвинутой А. Алчяном в 50-е гг. XX в. эволюционной гипотезе [32, с.211-222], конкуренция между институтами должна привести к устранению «слабых» институтов и способствовать выживанию тех, которые обеспечивают наибольшую эффективность при координации действий экономических субъектов. В этой связи следует отметить, что отличительной чертой первых работ [31, 33, 34], объясняющих возникновение институциональных изменений, является убежденность в том, что вновь возникающие институты обеспечивают большую экономическую эффективность, так как в процессе институциональной конкуренции выживают наиболее эффективные институты, а менее эффективные – отмирают.

По Ф. Хайеку [28], институциональные изменения происходят в процессе социокультурной революции, выступающей как продолжение эволюции биологической. В результате рынок институтов производит отбор самых эффективных институтов (общих правил поведения) и в институциональной конкуренции побеждают те институты, которые обеспечивают более высокий жизненный уровень большему числу людей.

Факт устойчивости и жизнеспособности неэффективных институтов подтверждается в работах Д. Норта [16, 17], а также ряда других исследователей [2, 23, 24], где на примерах слаборазвитых стран анализируются причины воспроизводства неэффективных институтов. Действительно, эволюционные процессы не всегда ведут к оптимальным (социально целесообразным) результатам, а конкуренция между институтами не может рассматриваться как необходимое и достаточное условие эффективного функционирования экономики. Таким образом, реальная причина такого сложившегося неэффективного равновесия заключается в том, что оно выгодно для тех социальных групп (групп специальных интересов), от чьих позиций зависит как введение новых формальных правил, так и формализация бытующих неформальных практик [25, с. 52].

Согласно институционально-эволюционной экономической теории неэффективное состояние института определяется посредством выявления функциональных нарушений института. Так, по мнению О.С. Сухарева, основополагающим признаком неэффективности института является нарушение, расстройство функций экономического

института, представляющее из себя «институциональную дисфункцию» [23, с. 486].

Придерживаясь вышеизложенного, отметим, во-первых, что содержание понятия институциональной неэффективности применительно к рассматриваемой в настоящей статье проблеме гармонизации интересов находит выражение в возникновении функциональных деформаций в действии тех институтов, которые призваны обеспечивать обратные связи между государством в лице органов власти и населением в виде предприятий и домохозяйств. Во-вторых, эти деформации происходят именно в процессе гармонизации их интересов в единую систему экономических интересов и обеспечении на данной основе устойчивого развития общества и экономики, являющегося залогом повышения уровня благосостояния населения.

С нашей точки зрения, для определения стратегии принятия действенных мер в отношении гармонизации интересов экономических субъектов необходимо, в первую очередь, доказать зависимость процесса гармонизации от качества институциональной среды экономики в целом. Далее на этой основе важно установить причины неэффективности институтов, оказывающих решающее воздействие на процесс взаимодействия субъектов экономики как иерархической системы с её сложными межуровневыми взаимосвязями. Наиболее эффективное решение здесь может быть получено на основе экономико-математического моделирования институциональных показателей гармонизации интересов. В связи с этим возникает самостоятельная задача спецификации уравнений эконометрических моделей по широкому и узкому контуру.

Спецификация эконометрических уравнений по широкому контуру исследования строится на предположении, что низкое качество институциональной среды в целом препятствует гармонизации интересов экономических субъектов различных иерархических уровней, что находит отражение в конечном итоге в низком уровне благосостояния всего общества.

В настоящем исследовании при установлении связей процесса гармонизации интересов с институциональными факторами мы придерживаемся метода межстрановых сопоставлений, используя в качестве индикатора эффективности институциональной среды композитный индекс экономической свободы – Economic Freedom of the World (далее – EFD). Данный индекс и его отдельные компоненты ежегодно публикуется канадским институтом Фрезера (Fraser Institute) на основе 42 показателей развития стран [36]. Следует

отметить, что качество институциональной среды, в отличие от обычных экономических переменных, не имеет прямых измерителей и лишь косвенно отражается рядом индикаторов, в числе которых кроме вышеуказанного индекса экономической свободы (EFD) можно назвать индекс политической коррупции (публикуется Transparency International); индексы уровня страновых рисков (публикуются The Political Risk Services Group); индекс свободы экономики (публикуется Heritage Foundation).

В качестве объясняемой переменной, характеризующей уровень гармонизации интересов различных субъектов экономической иерархии, в данном случае был выбран индекс человеческого (общественного) развития Human Development Index (далее – HDI), представляющий среднее арифметическое индекса средней продолжительности жизни, индекса образования и индекса валового внутреннего продукта (далее – ВВП) на душу населения [39]. Выбор HDI в качестве показателя уровня гармонизации интересов экономических субъектов можно объяснить тем, что конечной целью деятельности, наивысшим интересом экономических субъектов различных иерархических уровней является благосостояние человека. Вместе с тем «гармония характеризует наличие единства целей всех элементов системы и однонаправленность их действий» [5, с. 485]. Данные соображения, а также необходимость перехода к использованию антропоцентрического (человекоориентированного) подхода к стратегическому развитию территорий различных уровней, вызванная изменением роли и места человека в социально-экономической и социокультурной жизни людей в результате превращения его из экономического ресурса в императив экономики [4, с. 28], являются, как нам представляется, убедительным обоснованием использования HDI в качестве характеристики уровня гармонизации интересов экономических субъектов различных уровней иерархии.

Для оценки факторной роли институциональной неэффективности в процессе гармонизации интересов нами была проанализирована зависимость индекса человеческого развития (HDI) от композитного индикатора качества институциональной среды (EFD). Выборка включила в себя 174 наблюдения по 87 странам, временной период – 2000, 2007 гг. В результате построения эконометрической модели на основе показателей 2007 г. была получена значимая функциональная зависимость:

$$HDI = 0,15 * EFD - 0,24 \quad (1)$$

качество модели (R – квадрат) – 60 %.

С использованием t-критерия Стьюдента произведена оценка статистической значимости коэффициента регрессии, подтвердившая его значимость:

$$tT(11,27) > t_{крит}(1,66).$$

Построенная модель (1) демонстрирует наличие прямой связи между уровнем сбалансированности интересов экономических субъектов, выраженном индексом человеческого развития, и качеством институциональной среды. Расчет коэффициента эластичности показал, что улучшение индекса EFD на 1 пункт приводит к улучшению благосостояния общества на 1,308, что свидетельствует о достаточно тесной зависимости рассматриваемых показателей (коэффициент корреляции $r = 0,774$).

Таким образом, низкое качество институциональной среды в целом препятствует гармонизации интересов экономических субъектов различных иерархических уровней, что выражается в конечном итоге в низком благосостоянии всего общества. Индикатор качества институциональной среды России составляет 6,5 (среднее значение по анализируемым странам – 6,8), что соответствует аналогичному показателю таких стран, как Нигерия (6,3), Турция (6,4), Мадагаскар (6,3). Слабыми местами в институциональном режиме российской экономики являются неразвитость демократических институтов, высокий уровень риска и неопределенности в надежности прав собственности, коррумпированность экономики,

отсутствие адекватного регулирования финансовых институтов.

Придерживаясь вышеизложенного, отметим, что качественное развитие любой экономики может иметь место лишь в условиях существования гражданского общества интеллектуально развитых людей. Поэтому дальнейшее эконометрическое моделирование спецификации уравнений регрессии по широкому контуру исследования было осуществлено с использованием в качестве независимого фактора, объясняемого HDI, одной из компонент EFD. Она характеризует наличие гражданского общества и обеспечение правовой стабильности – Legal Structure and Security of Property Rights (далее – LS&SPR). LS&SPR, как и EFD, является композитной компонентой и включает такие показатели, как уровень правопорядка, демократической подотчетности, защиты прав собственности, судебной независимости, правовой коррупции. В результате построения эконометрической модели на основе показателей 2007 г. была получена значимая функциональная зависимость, характеризуемая значимым t-распределением Стьюдента:

$$HDI = 0,29 + 0,08 * LS\&SPR \quad (2)$$

качество модели (R – квадрат) – 67 %.

Данная модель демонстрирует наличие прямой связи между уровнем сбалансированности интересов экономических субъектов, выраженном индексом человеческого развития, и качеством институтов, составляющих основу гражданского общества. Изображение статистической зависимости HDI от LS&SPR представлено на поле корреляции (рис. 1).

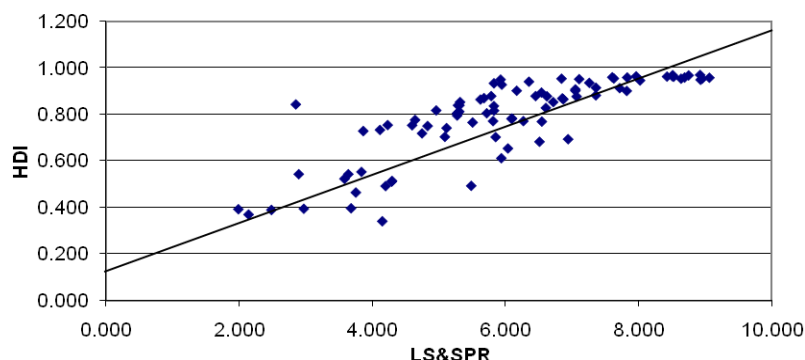

Рис. 1. Поле корреляции статистической зависимости HDI от LS&SPR (показатели 2007 г.)

Результаты моделирования HDI подтвердили высокую значимость развития гражданского общества – уровень развития демократических институтов оказывает более сильное влияние на индекс человеческого

развития, чем композитный индекс качества институтов: пока в стране не будет обеспечена правовая стабильность с помощью независимых судов, нельзя рассчитывать на гармонизацию интересов экономических субъектов различных

иерархических уровней и, соответственно, переход к экономике, ориентированной на антропоцентрическое развитие.

Положительная корреляция (коэффициент корреляции $r = 0,816$) переменных уравнения парной линейной регрессии (2) свидетельствует о настоятельной необходимости развития демократических институтов. Потребность в институциональных изменениях, основанных на необходимости становления гражданского общества, приобретает наиболее выраженный характер в тех странах, в которых композитный индикатор гражданского общества и обеспечения правовой стабильности имеет предельно низкие значения. Данный вывод распространяется и на экономику России, так как индекс LS&SPR находится пока на низком уровне (5,8), что соответствует аналогичному показателю таких стран, как Малави (5,5), Египет (5,9), Уругвай (5,6).

Следует отметить, что в процессе моделирования HDI на основе показателей 2007 г., мы проанализировали статистику 2000 г., в результате чего не было установлено значительных расхождений с выводами, сделанными на основе анализа данных для 2007 г. В каждом случае было выявлено наличие прямой связи между уровнем сбалансированности интересов экономических субъектов, выраженном индексом человеческого развития, и качеством сложившейся институциональной среды.

Основываясь на полученных результатах, далее мы использовали спецификацию эконометрической модели по узкому контуру. Такая модель строится на нашем предположении, что процесс формирования гражданского общества, оказывающего решающее влияние на гармонизацию интересов на основе межуровневого взаимодействия экономических субъектов, может быть эффективно активизирован на муниципальном уровне экономической иерархии. Данное предположение основано на том, что именно муниципальный уровень, являющийся промежуточным между уровнем, представляющим государственную власть, и уровнем, представляющим население в виде предприятий и домохозяйств, имеет устойчивые взаимосвязи одновременно и с теми, и с другими [21, с. 148-150].

Следует отметить, что применительно к исследуемой в настоящей работе проблеме гармонизации интересов муниципальное образование представляет значительный интерес не только как хозяйственный комплекс,

органы управления которого выполняют экономические функции по жизнеобеспечению территории и оказывают жителям ряд важнейших общественных услуг, но прежде всего как относительно автономная территория проживания людей со сходными характеристиками и общими интересами (муниципальное сообщество), в рамках которой осуществляется местное самоуправление. Важнейшей функцией местного самоуправления является предоставление населению реальной возможности непосредственного участия в управлении функционированием и развитием муниципального образования через представительные органы власти, состоящие из депутатов, избираемых на муниципальных выборах и представляющих интересы своих избирателей, а также на основе установленных законом таких форм прямого волеизъявления, как местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан, правотворческая инициатива граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания и другие формы прямого волеизъявления.

Все вышеизложенное обуславливает двойственную природу муниципального уровня экономики, выражающуюся в том, что, с одной стороны, субъекты уровня «участвуют в осуществлении воли государства, а с другой – наиболее полно учитывает интересы населения» [6, с. 12]. По сути, являясь наиболее приближенным к населению уровнем публичной власти, местное самоуправление обладает уникальной возможностью реализовывать государственную политику в интересах конкретного муниципального сообщества в соответствии с институциональными особенностями муниципального образования.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что институциональная среда муниципального уровня экономической иерархии содержит значительный потенциал межуровневого взаимодействия экономических субъектов, реализация которого способна активизировать процесс гармонизации интересов экономических субъектов различных иерархических уровней.

Для определения направлений реализации потенциала межуровневого взаимодействия экономических субъектов в системе иерархических взаимосвязей экономики институты местного самоуправления были классифицированы нами по признаку направлений межуровневого взаимодействия её субъектов (табл. 1).

**Классификация институтов системы местного самоуправления по признаку направлений
межуровневого взаимодействия её субъектов**

Субъекты межуровневого взаимодействия	Институты, регулирующие взаимоотношения субъектов муниципального уровня с субъектами других уровней экономической иерархии
<p>Органы МСУ - Федеральные органы власти</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Законодательство, определяющее место и роль местного самоуправления в системе публичных институтов страны. • Законодательство, определяющее основные принципы организации местного самоуправления в стране. • Механизм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, способствующий повышению качества администрирования налоговых поступлений в муниципальные бюджеты и обеспечивающий повышение финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления. • Институт передачи государственных (федеральных) полномочий на уровень муниципального образования
<p>Органы МСУ - Региональные органы власти</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Механизм распределения межбюджетных трансфертов, стимулирующий развитие муниципальных образований и обеспечивающий повышение финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления. • Институт разграничения региональной и муниципальной собственности. • Институт передачи государственных (региональных) полномочий на уровень муниципального образования
<p>Органы МСУ муниципальных образований - Органы МСУ муниципальных образований</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Механизм распределения финансовой помощи из бюджета муниципального района бюджетам поселений, входящим в его состав, стимулирующий развитие поселений, а также обеспечивающий повышение финансово-экономической самостоятельности местного самоуправления поселений. • Институт разграничения муниципальной собственности между муниципальным районом и поселениями, входящими в его состав. • Институт передачи полномочий муниципального района поселениям, входящим в его состав (и наоборот). • Институт межмуниципальной кооперации, представляющий собой различные формы координации действий муниципальных образований различных типов
<p>Органы МСУ - Хозяйствующие субъекты</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Муниципальные правовые акты, регулирующие деятельность хозяйствующих субъектов на территории муниципального образования. • Механизм взаимодействия (муниципально-частное партнерство), направленный на социальное обустройство территории муниципального образования, соблюдение природоохранного законодательства. • Механизмы выделения бюджетных ресурсов (бюджетные субсидии по целевым программам), стимулирующих развитие предпринимательства на территории муниципального образования
<p>Органы МСУ - Муниципальное сообщество</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Когнитивные механизмы, выражающиеся в правовой культуре муниципального сообщества (осознание взаимосвязи между участием в решении вопросов местного самоуправления и повышением качества жизни). • Институт доверия, обеспечивающий поддержку электората на муниципальных выборах. • Ценностно-ментальные особенности муниципального сообщества, определяющие внутренние стимулы к участию в решении вопросов местного значения с целью определения приоритетных направлений расходования средств муниципального бюджета. • Институт муниципального просвещения граждан, позволяющий развить гражданское самосознание и воспитать у граждан активный интерес к проблемам и возможностям местного самоуправления (реализуется в форме гражданской экспертизы, общественных слушаний, мониторинга социального самочувствия)

Окончание табл. 1

Субъекты межуровневого взаимодействия	Институты, регулирующие взаимоотношения субъектов муниципального уровня с субъектами других уровней экономической иерархии
	<p>населения).</p> <ul style="list-style-type: none"> • Институт волеизъявления муниципального сообщества (непосредственного и через выбранных представителей). • Механизм взаимодействия органов местного самоуправления и муниципального сообщества, основанный на внедрении программ «электронного правительства», позволяющих получать непосредственную обратную связь по результатам деятельности органов власти

На основе названных в табл. 1 институтов, регулирующих функционирование системы местного самоуправления, мы эмпирически подтвердили вышеизложенную гипотезу о решающем влиянии сформировавшейся институциональной структуры местного самоуправления на интенсивность межуровневого взаимодействия, способного обеспечить гармонизацию интересов субъектов различных иерархических уровней. В связи с этим возникла необходимость в факторном анализе институциональной неэффективности системы местного самоуправления с использованием методов корреляционного и регрессионного анализа модели линейной регрессии пространственной выборки стран. Выборка включила в себя 70 наблюдений по 35 странам, временной период 2000, 2007 гг.

В качестве зависимого (объясняемого) признака был выбран использованный в исследовании индекс гражданского общества и обеспечения правовой стабильности LS&SPR, который оказывает значительное влияние на процесс гармонизации интересов. Моделирование LS&SPR строилось на предположении, что процесс формирования гражданского общества может быть активизирован на муниципальном уровне экономической иерархии в результате становления качественных институтов местного самоуправления и имеющих по отношению к нему эндогенный/экзогенный характер.

Для оценки факторной роли институциональной неэффективности системы местного самоуправления нами была последовательно проанализирована зависимость индекса LS&SPR от качества институтов, определяющих условия функционирования системы местного самоуправления.

Для анализа экзогенного влияния институциональной неэффективности нижестоящих по отношению к муниципальному иерархическим уровням на функционирование и развитие системы местного самоуправления была построена двухфакторная эконометрическая модель, где в качестве аргументов были использованы составляющие показателя человеческого (социального) капитала местного

самоуправления [18]. Здесь имеются в виду жители муниципального образования, ориентированные на созидание и поддержку функционирования институтов местного самоуправления (т.е. реализующие право на решение вопросов местного значения): уровень межличностного доверия Trust interpersonal (далее – TInt) и уровень институционального доверия Trust to institutes (далее - TIns) [40]. Выбор данных показателей связан с количественным выражением человеческого (социального) капитала, под которым, как правило, понимают уровень доверия к людям (межличностное доверие) и к институтам и организациям (институциональное доверие). Именно уровень социального капитала определяет «способность граждан к автономному и эффективному взаимодействию» [19, с. 65].

В результате построения эконометрической модели на основе показателей 2005-2007 гг. была получена значимая функциональная зависимость, демонстрирующая наличие прямой связи между уровнем развития гражданского общества и уровнем человеческого капитала общества:

$$LS\&SPR = 4,22 + 0,044 * TInt + 0,024 * TInst \quad (3)$$

качество модели (R – квадрат) – 65 %.

Проверка значимости уравнения множественной регрессии (3) с использованием F-критерия Фишера показала, что коэффициент детерминации статистически значим и уравнение регрессии статистически надежно:

$$F(29,87) > F_{крит}(3,32).$$

Полученная модель (3) показывает, что наиболее существенное влияние на зависимую переменную оказывает показатель межличностного доверия. Это объясняется тем, что без доверия к лично незнакомым людям невозможна кооперация с ними в рамках ассоциаций, общественных объединений, являющихся основой гражданского общества.

Межличностное доверие исключительно важно не только для создания общественных структур, на которых строится демократия, но и для создания сложной системы социальных взаимосвязей, обеспечивающих расцвет предпринимательства [7, с. 119].

Положительная корреляция (коэффициент множественной корреляции $r = 0,807$) переменных уравнения множественной регрессии (4) свидетельствует о настоятельной необходимости формирования социального капитала местного самоуправления. Вместе с тем следует отметить, что «формирование общественного сознания и коррекция индивидуального менталитета» (в терминах Г.Б.Клейнера), направленная на актуализацию в сознании населения необходимости развития местного самоуправления на основе повышения уровня межличностного и институционального доверия населения, не могут быть осуществлены органами местного самоуправления без поддержки субъектов вышестоящих уровней экономики. В этой связи нами был проведен анализ экзогенного влияния институциональной неэффективности вышестоящих по отношению к муниципальному иерархическим уровням на функционирование и развитие системы местного самоуправления.

Для оценки факторной роли указанной институциональной неэффективности мы проанализировали зависимость индекса развития гражданского общества и обеспечения правовой стабильности (LS&SPR) от показателя совокупных социальных расходов консолидированного бюджета (расходы в сфере образования, здравоохранения), рассчитанного в процентах от ВВП страны - Social charges of the state (далее – SC) [39]. Следует отметить, что непосредственное предоставление комплекса социальных услуг, обеспечивающих условия жизнедеятельности человека и его воспроизводства, относится к вопросам местного значения. При этом наибольший удельный вес в расходах муниципальных бюджетов составляют расходы на образование и здравоохранение (до 60 % расходов муниципальных бюджетов [3]). Вместе с тем качество предоставляемых муниципальных услуг в указанных сферах, напрямую зависящее от их ресурсного обеспечения, регулируемого законодательными органами государственной власти, оказывает значительное влияние на уровень доверия муниципального сообщества к органам местного самоуправления и, соответственно, на его активизацию, что является залогом развития местного самоуправления.

В этой связи следует отметить, что по данным доклада Института современного развития [3] доля доходов местных бюджетов

относительно других уровней бюджетной системы опустилась в 2005 г. до самого низкого за последние 10 лет уровня. И данная негативная тенденция сохраняется. Так, на фоне государственной финансовой политики, проводимой федеральными и региональными органами власти в последние годы, за 1-й квартал 2009 г. по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. консолидированные расходы бюджетов муниципальных образований в России выросли более чем на 11%, тогда как консолидированные доходы – лишь на 1,3% [26].

Вместе с тем опыт развитых стран показывает, что для обеспечения необходимой финансовой устойчивости и самостоятельности органов местного самоуправления, позволяющих им качественно решать вопросы местного значения, доля доходов местных бюджетов в консолидированном бюджете страны должна составлять не менее 20 %, а доля доходов муниципальных образований, формируемых за счет собственных источников, в их общих доходах – не менее 75 % [1]. В настоящее время в России по первому показателю наблюдается отставание примерно в 1,4 – 1,9 раза, по второму – до 15 раз (в сельских поселениях) [1]. В результате неустойчивое финансовое положение органов местного самоуправления тормозит институционализацию местного самоуправления как «независимого от государства правового и экономического института, призванного защищать права граждан, в том числе и в социальной сфере» [27].

Основываясь на вышеизложенном, мы считаем использование индекса SC в качестве характеристики институтов поддержки системы местного самоуправления, оказывающих экзогенное воздействие на её функционирование и развитие в нашем исследовании, вполне обоснованным.

В результате построения эконометрической модели (4) была получена значимая функциональная зависимость, при этом показатели социальных расходов по различным странам варьировались в период 2004-2007 гг.:

$$LS\&SPR = 2,34 + 0,47 * SC \quad (4)$$

качество модели (R – квадрат) – 63 %.

С использованием t-критерия Стьюдента произведена оценка статистической значимости коэффициента регрессии:

$$tT(7,45) > t_{крит}(2,04).$$

Полученная модель (4) демонстрирует наличие прямой связи между уровнем развития гражданского общества и показателем совокупных социальных расходов

консолидированного бюджета. Расчет коэффициента эластичности показал, что улучшение индекса SC на 1 пункт приводит к улучшению благосостояния общества на 0,664, что свидетельствует о достаточно тесной

зависимости рассматриваемых показателей (коэффициент корреляции $r = 0,792$).

Статистическая зависимость LS&SPR от SC представлена на поле корреляции (рис. 2).

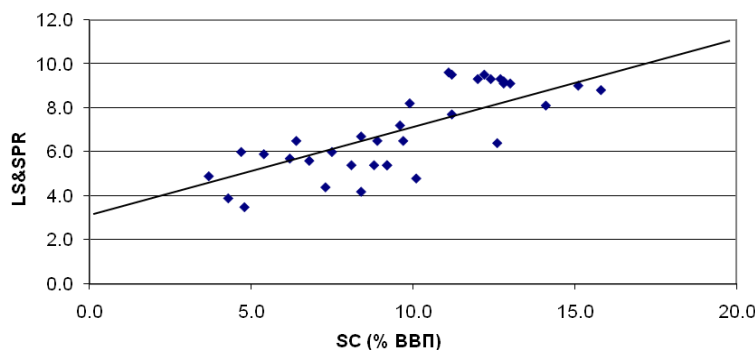

Рис. 2. Поле корреляции статистической зависимости LS&SPR от SC

Согласно рис. 2 низкий уровень бюджетных расходов на образование и здравоохранение и, соответственно, качество предоставляемых муниципальных услуг тормозит институционализацию местного самоуправления, определенным образом дискредитируя местную власть в глазах населения. Отметим, что показатель совокупных социальных расходов консолидированного бюджета России (7,3) ниже аналогичного показателя таких стран, как Южная Африка (8,9), Марокко (8,4), Украина (10,1), Бразилия (9,2).

Для анализа влияния институциональной неэффективности эндогенного типа на функционирование и развитие системы местного самоуправления нами была построена двухфакторная эконометрическая модель, где в качестве аргументов были использованы показатели уровня информационной свободы в обществе: индекс свободы прессы (Freedom of the Press World Ranking, далее – FP) [37] и индекс включенности в интернет-сети (Internet users, далее – IU) [35]. Композитный индекс свободы прессы учитывает параметры гражданской свободы и фиксирует степень независимости средств массовой информации, свободы слова и общественных собраний; индекс включенности в интернет-сети рассчитывается по показателю «количество пользователей Интернета в расчете на 100 человек». Таким образом, в совокупности выбранные для анализа аргументы FP и IU представляют собой индикатор информационной свободы в обществе, отражающий уровень возможности получения населением достоверной информации и свободы выражения своего мнения.

Процесс формирования качественных институтов информатизации и взаимодействия на местном уровне приобретает особую актуальность в свете парадигмы становления «общества знаний» – интеллектуального, информационного общества людей, владеющих современными информационно-компьютерными технологиями и навыками работы с электронными средствами массовой информации. Действительно, большинство взаимодействий экономических субъектов на современном этапе опосредуется различными электронными коммуникационными технологиями. При этом коммуникация понимается не только как передача информации, но и как процесс формирования определенных ментальных моделей.

По мнению ряда исследователей, развитие новых информационных технологий, прежде всего Интернета, приводит к «росту «плотности» межличностных и межгрупповых коммуникаций» [29]. В противовес данному мнению результаты проведенных эмпирических исследований показывают отрицательную корреляцию между временем, проведенным перед телевизором и в социальных интернет-сетях, и интенсивностью социальных взаимодействий: «телевидение сделало наши социальные общности широкими, но поверхностными» [38, с. 73]. Не вдаваясь в научные рассуждения по вопросу полезности развития информационных технологий, отметим только, что связи, обеспечиваемые телевидением и социальными интернет-сетями, хоть и заменяют в некоторой степени собой «собственно политические связи между гражданами» [19, с. 67], но вместе с тем открывают большие возможности повышения

уровня образованности, информированности населения. И в конечном итоге ответ на вопрос: во что преобразует информационно-коммуникативная революция современное российское общество – в образованное и свободное или же в разобщенное и манипулируемое? – во многом зависит от деятельности органов власти различных уровней экономики и, в частности, от их отношения к внедрению программ «электронного правительства», от уровня контроля ими средств массовой информации в стране.

Так, внедрение программ электронных органов власти различных иерархических уровней является эффективным инструментом налаживания непосредственной обратной связи с населением по результатам деятельности соответствующих органов власти. Вместе с этим в результате развития информационно-компьютерных технологий резко повышается политическое влияние власти информационной. В связи с тем что средства массовой информации имеют почти неограниченные возможности по созданию картины мира, в последнее время наблюдается повышение интереса к изучению процессов «манипулирования общественным мнением», под которым понимается навязывание обществу ценностей, мнений и стереотипов поведения, осуществляемое на основе контроля лиц, наделенных властью, за средствами массовой информации [9]. Таким образом, можно констатировать, что процесс становления институтов, обеспечивающих формирование общества интеллектуально развитых, образованных людей, имеющих свободный доступ к достоверной информации во всех сферах, должен стать одним из приоритетов органов власти в достижении цели налаживания отношений взаимодействия с муниципальным сообществом.

В результате построения эконометрической модели LS&SPR на основе показателей индексов FP и IU за 2007 г. была получена значимая функциональная зависимость:

$$LS\&SPR = 4,16 + 0,017*FP + 0,034*IU \quad (5)$$

качество модели (R – квадрат) – 72 %.

Проверка значимости уравнения множественной регрессии (5) с использованием F-критерия Фишера показала, что коэффициент детерминации статистически значим и уравнение регрессии статистически надежно:

$$F_T(41, 75) > F_{крит}(3, 32).$$

Полученная модель (5) демонстрирует наличие прямой связи между уровнем развития гражданского общества и уровнем информационной свободы в обществе.

Положительная корреляция (коэффициент множественной корреляции $r = 0,85$) переменных уравнения множественной регрессии (5) свидетельствует о настоятельной необходимости повышения уровня информационной свободы в обществе. Так, по результатам отчета Freedom House за 2007 г. индекс свободы прессы России находится на критически низком уровне (165-е место из 195), в результате чего страна признана «полностью несвободной».

По уровню включенности в интернет-сети Россия также пока находится на низком уровне – 24,7 на 100 человек (среднее значение по анализируемым странам – 44,3), что соответствует аналогичному показателю таких стран, как Перу (24,6), Колумбия (27,8), Аргентина (25,9). Результаты анализа в целом показали, что повышение уровня информационной свободы в обществе оказывает положительное влияние на формирование демократических институтов, обусловленное налаживанием, прежде всего, взаимодействия власти и населения на основе внедрения программ электронного правительства в муниципальных образованиях, а также укрепления общего уровня доверия муниципального сообщества к органам власти.

Следует отметить, что построение эконометрических уравнений на основе показателей 2007 г. связано с необходимостью сведения к минимуму проблемы «несбалансированной выборки», возникшей в результате того, что используемые в анализе факторные оценки в совокупности имеются только за указанный период (в частности, это относится к индексам доверия, рассчитываемых ассоциацией всемирного исследования ценностей «волнами» – примерно один раз в пять лет).

В процессе моделирования LS&SPR нами была предпринята попытка выявить уровень влияния институтов различных уровней экономической иерархии на параметры функционирования субъектов муниципального уровня. В результате в соответствии с классификацией уровней экономической иерархии [20, с. 139] нами было произведено агрегирование институциональных показателей системы местного самоуправления (табл. 1) и получено наглядное представление проблемы неэффективности институтов, оказывающих влияние на её функционирование и развитие (табл. 2.).

Таблица 2

Матрица типов институциональной неэффективности институтов местного самоуправления в системе иерархических взаимосвязей экономики

Уровни экономической иерархии	Направленность формирования институтов по отношению к системе местного самоуправления	Институты, определяющие условия функционирования системы местного самоуправления	Уровень тесноты линейной связи совокупности институтов с LS&SPR (R-квадрат), %
Макро-, мезо - (регион)	Экзогенные	Институты поддержки системы местного самоуправления	63
Мезо- (муниципальное образование)	Эндогенные	Институты информатизации и взаимодействия экономических субъектов в рамках муниципального образования	72
Микро-, нано-	Экзогенные	Ценностно-ментальные институты муниципального сообщества	65

Результаты факторного анализа институциональной неэффективности системы местного самоуправления позволяют определить стратегию управленческих воздействий на выявленные области институциональных дисфункций с целью

формирования благоприятных условий для межуровневого взаимодействия, что является условием гармонизации интересов экономических субъектов различных уровней иерархии.

Синергетический эффект

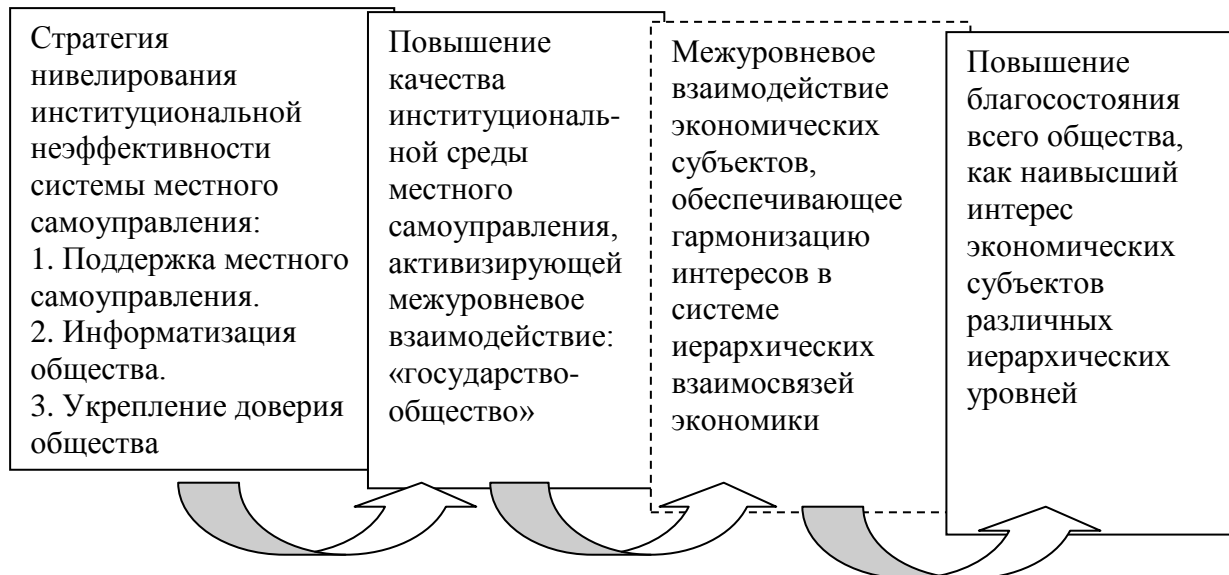

Рис. 3. Модель нивелирования институциональной неэффективности системы местного самоуправления

Представляется, что стратегия нивелирования институциональной дисфункции местного самоуправления должна включать действия органов власти различных уровней экономической иерархии в следующих направлениях: поддержка местного самоуправления государством – информатизация муниципального сообщества –

укрепление доверия в муниципальном сообществе [12].

Комплексная реализация вышеизложенных направлений нивелирования институциональной дисфункции системы местного самоуправления позволит получить синергетический эффект на поле взаимодействия экономических субъектов различных уровней экономической иерархии

(органы государственной власти, органы местного самоуправления, муниципальное сообщество), что будет активизировать процесс гармонизации интересов в системе иерархических взаимосвязей экономики (рис. 3).

В конечном счете, комплексная реализация решений, предусмотренных стратегией нивелирования институциональной дисфункции системы местного самоуправления (рис. 3), будет способствовать повышению уровня благосостояния общества, как значимого показателя сбалансированности интересов экономических субъектов в системе иерархических взаимосвязей экономики.

Список литературы

1. Адукова А.Н. Организационные и экономические принципы формирования системы местного самоуправления на селе // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 2(95). URL: http://www.adukov.ru/articles/sovershenstvovanie_msu/ (дата обращения: 15.05.2010).
2. Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Институционализм и политическая трансформация России. URL: http://www.strategyspb.ru/partner/files/3institutstionalizm_i_politicheskaya_transformatsiya_rossii.doc. (дата обращения: 20.10.2007).
3. Аналитический доклад Института современного развития. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003-2008 гг. // URL: <http://www.riocenter.ru/ru/> (дата обращения 02.12.2009).
4. Бочко В.С. Теоретико-методологические основы интегративного стратегического развития территорий: дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2010. 390 с.
5. Горячева Т.В. Методы гармонизации промышленной и торговой политики // Матер. Всерос. науч.-практ. конференции «Российский регион: управление инновационным развитием в условиях мирового финансового кризиса». 2010. Волгоград: Волгоград. академия гос. службы, С. 485-486.
6. Игнатов В.Г., Рудой В.В. Местное самоуправление. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 416 с.
7. Инглхарт Р. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под. ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона, Моск. школа полит. исследований. М., 2002. 320 с.
8. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.
9. Клейнер Г.Б. Институциональные факторы долговременного экономического роста // Экономическая наука современной России. 2000. № 1. С. 5-20.
10. Клейнер Г.Б. Стратегия системной гармонизации экономики в России // Экономические стратегии. 2008. № 05-06. URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2008_05_06/kleiner.htm (дата обращения: 15.05.2010).
11. Ковалева Т.Ю. Проблема институциональной неэффективности в развитии интеллектуального предпринимательства // Вестн. УГТУ-УПИ. 2009. № 4. С. 26-36.
12. Лесных В.В. Развитие теории транзакционных издержек при исследовании трансформации ОПК: дис. ... д-ра экон. наук. Волгоград, 2010. 303 с.
13. Литвинцева Г.П. Институциональная экономическая теория. Новосибирск: НГТУ, 2003. 336 с.
14. Месарович М., Мако Д., Такахара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М.: МИР, 1973. 344 с.
15. Нуреев Р.М. Россия после кризиса – эффект колеи // Матер. IV Всерос. симпозиума по экон. теории. Т. 1: Политическая экономия. Миниэкономика. Екатеринбург: Ин-т экономики УРО РАН, 2010. 277 с.
16. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS, 1993. Т. 1, № 2.
17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 190 с.
18. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 418 с.
19. Олейник А.Н. Урок испанского: как свернуть с дороги виртуальной демократии // Культура политики. 2004. № 2(34). С. 64-69.
20. Перский Ю.К., Шульц Д.Н. Взаимодействие микро- и макроэкономики: иерархический подход. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2005. 192 с.
21. Перский Ю.К., Дубровская Ю.В. Развитие местного самоуправления как основа гармонизации интересов различных уровней экономической иерархии // Матер. IV Всерос. симпозиума по экон. теории. Т. 3: Мезоэкономика. Екатеринбург: Ин-т экономики УРО РАН, 2010. 229 с.
22. Полтерович В. Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 4-24.
23. Сухарев О. С. Современные проблемы теории и практики реструктуризации промышленности: Институционально-эволюционный подход: дис. ... д-ра экон. наук, Орел, 2001. 486 с.

24. Тамбовцев В.Л., Валитова Л.А. Анализ влияния качества институциональной среды на параметры кредитного рынка: опыт межстранового сопоставления. URL: http://www.economicus.ru/an_pril/index.php (дата обращения: 12.08.2009).
25. Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в Российской экономике // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 44-53.
26. Гимченко В. Пронина Л. Роль муниципальных образований в инновационной деятельности // Бюджет. 2009. № 10. С. 70-74.
27. Федоткин В. Федерализм и местное самоуправление: проблемы экономического взаимодействия // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 88-98.
28. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. 304 с.
29. Шадрин А. Информационные технологии и совершенствование социальных институтов. URL: http://www.sociolog.in.ua/view_book.php?id=943 (дата обращения: 11.08.2010).
30. Ясин Е.Г. Российское гражданское общество сегодня // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 33-51.
31. Alchian A.A. Economic Forces at Work. Indianapolis: Liberty Press, 1977. P. 15-35.
32. Alchian A.A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory // Journal of Political Economy. 1950. № 58. P. 211-222.
33. Anderson T.L., Hill P.J. The Evolution of Property Right: A study of the American West // Journal of Law and Economics. 1975. № 18. P. 163-179.
34. Demsetz H. Toward a Theory of Property Right // American Economic Review. 1967. № 57. P. 347-359.
35. International Telecommunication Union. URL: <http://www.itu.int/ITU-D/ict/index.html> (дата обращения: 10.08.2009).
36. Fraser Institute. URL: <http://www.freetheworld.com/> (дата обращения: 10.08.2009).
37. Freedom House. URL: <http://www.freedomhouse.org/> (дата обращения: 10.08.2009).
38. Putman R. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6, № 1. P. 73.
39. United Nations Development Programme. URL: <http://www.undp.org/> (дата обращения: 15.08.2009).
40. World Values Survey Association. URL: <http://www.wvsevsdb.com/wvs/> (дата обращения: 15.08.2009).